

— Нет... Кх-кх...

Молодой человек, который только что сидел с закрытыми глазами, спокойный, как вода, внезапно открыл глаза и выплюнул кровь. Затем его охватил сильный кашель. Однако он не обращал на это внимания, а лишь гневно и с подозрением возражал Чжу Мо:

— Не смей клеветать на моего отца и сеять раздор между нами! Ты ищешь смерти!

С этими словами он уже собирался атаковать.

— Хм, можешь не верить. Тогда спроси его сам, — с безразличным видом Чжу Мо внезапно исчез...

Оставшийся на месте Ли Фаньинь внезапно погрузился в оцепенение, которое сдавливало ему дыхание. Его лицо было бледным, следы крови на губах еще не высохли, а глаза были пустыми, словно он о чем-то размышлял...

— Инь-инь... Так ли ты тогда постепенно попал в ловушку?

Зная, что тот его не видит, Мэн Цинчэнь все равно не мог сдержать боли в сердце. Он хотел подойти и утешить его, сказать, что все это неправда.

Но прежде чем он успел приблизиться, картина перед ним снова изменилась. Перед Ли Фаньинем появился еще один человек. Это был не кто иной, как Ли Ансюань, о котором они только что говорили, одетый в зеленые одежды!

Ли Фаньинь поднял глаза и уставился на мужчину перед ним — того, кто всегда говорил, что больше всего любил его мать. Того, кто в его сердце был священным.

Его прекрасные, словно стеклянные, глаза наполнились последней надеждой и мольбой. Казалось, он колебался, не решаясь задать тот самый вопрос.

Но «мужчина» повернулся к Ли Фаньиню, и в его взгляде больше не было прежней отеческой нежности. Впервые он смотрел на него с каким-то сложным выражением.

Наклонив голову и подумав, он наконец произнес:

— Инь-инь, как ты относишься к своему старшему брату по учению?

— Почему отец спрашивает?

Впервые Ли Фаньинь не использовал более ласковое обращение «папа», а выбрал более отстраненное «отец». Однако Ли Ансюань, казалось, не заметил этого. Или просто не придавал значения.

— О, просто хочу напомнить тебе, что вы братья по учению. Не будь слишком высокомерным, будь дружелюбным и гармоничным!

— Правда? Гармония и дружба... Хорошая гармония и дружба! Ха...

Ли Фаньинь вдруг горько рассмеялся, с нотками самоиронии и разочарования.

Слова Чжу Мо: «Твой «любимый брат» случайно стал твоим старшим братом по учению!» вдруг всплыли в его памяти.

— Инь-инь!

Голос Ли Аньсюаня внезапно стал строгим, как никогда прежде.

— Я слишком тебя баловал?

Увидев, как лицо Ли Аньсюаня внезапно окаменело, Ли Фаньинь почувствовал себя чужим. Вопрос, который он долго не решался задать, наконец вырвался:

— Отец беспокоится, что Фаньинь пренебрегает этим неизвестным братом?

Он пристально смотрел на холодный профиль Ли Аньсюаня, не упуская ни малейшей детали его выражения.

— Ты...

Ли Аньсюань нахмурился, в его глазах мелькнули колебания и неуверенность, словно он не знал, как объяснить Ли Фаньиню.

Увидев это, Ли Фаньинь все понял. Его сердце погрузилось в ледяную пучину, он почувствовал себя опустошенным и усталым. Он опустил глаза и больше не сказал ни слова.

Его сердце уже онемело от боли, в груди поднималась волна крови, но на лице он сохранял спокойствие.

Как будто безразлично, он спросил:

— Так нужно ли мне уважать его, как старшего брата?

Он не поднял головы, у него больше не было сил и смелости смотреть на Ли Аньсюаня.

— Да!

Услышав твердый ответ Ли Аньсюаня, последняя нить, державшая Ли Фаньиня, оборвалась.

Эмоции в его глазах постепенно исчезали, его охватывала холодность.

Он наконец выбрал Дао Безжалостности!

Картина снова изменилась. Его туманная фигура медленно исчезала на Небесном Пути. Но внезапно Ли Аньсюань окликнул его. В последний раз обернувшись, он увидел, как Ли Аньсюань и Мэн Цинчэнь стоят рядом...

Так гармонично, словно они всегда были вместе, без тени неловкости...

В его глазах внезапно появились слезы. Хотя он уже выбрал Дао Безжалостности, его сердце разрывалось от боли, то горело, то замерзало...

Он упал на землю, начал сильно кашлять кровью, его глаза были пустыми, даже дыхание причиняло ему боль, от которой темнело в глазах...

Имя Ли Аньсюаня горело в его сердце...

Зрение постепенно затуманилось, он слышал, как многие звали его по имени, много людей,

много знакомых, но он уже не мог различить, кто был кто.

Он чувствовал себя усталым. Он наконец выбрал Дао Безжалостности, но он не смог стать безжалостным человеком, поэтому он не смог совершенствовать свое Дао...

Успех — это вступление в Дао, неудача — превращение в пепел!

Он потерпел неудачу, превратился в прах, не оставив даже шанса на перерождение.

— Инь-инь...

Мэн Цинчэнь в отчаянии пытался схватить Ли Фаньиня. Но его рука прошла сквозь все более прозрачное тело, и он с ужасом наблюдал, как тот превратился в звездную пыль...

Даже пережив это однажды, даже зная, что это было нереально, он все равно чувствовал отчаяние, которое хотело уничтожить небо и землю...

Он хотел уничтожить всех, кто причинил боль Инь-иню, Чжу Мо и Ли Ансюаню...

Его глаза стали кроваво-красными, явный признак того, что он был на грани одержимости...

Но внезапно в его ноздри ворвался знакомый аромат лотоса, и его сознание прояснилось. Он чуть не заплакал от радости: он снова жил, его Инь-инь был жив и здоров, и это было прекрасно!

С другой стороны, Чжу Мо переживал такое же бедствие сердечного демона, как и Мэн Цинчэнь. Однако главными героями в этом видении были Мэн Цинчэнь и Ли Ансюань.

Он снова наблюдал, как Ли Фаньинь умирает у него на глазах. Его одолевали глубокие сожаления, и он не смог сдержаться, выплюнув кровь. Его ясный разум начал затуманиваться, он погрузился в одержимость. Его Инь-инь все равно умер.

Его ненависть к Мэн Цинчэню была безграничной, он скрежетал зубами и спрашивал:

— Почему, если он был рядом с тобой, ты не ценил его? Почему ты убил его? Мэн Цинчэнь, ты заслуживаешь смерти...

Невидимые черные потоки проникли в его сознание, его раны становились все серьезнее. Он был на грани смерти. Казалось, бедствие сердечного демона вот-вот поглотит его, но знакомый аромат лотоса вернул ему сознание.

В то же время белый газ очистил его сознание от черных потоков, принес с собой обильную духовную энергию. Его уровень совершенствования начал расти, внутри него появился миниатюрный человек, которого питал этот белый газ.

В отличие от Мэн Цинчэня, он едва выжил, но в итоге преодолел бедствие сердечного демона.

Однако над Сектой Фаньмэн сгустились тучи, и грянуло девять небесных молний, предназначенных для культиватора этапа преобразования духа.

На самом деле, он и Мэн Цинчэнь давно превзошли начальную стадию этапа изначального младенца, но не смогли постичь Дао и сделать выбор. Однако, войдя в духовную область и намеренно получив раны, они съели семя лотоса, что дало им возможность выбрать Дао.

Он родился заново с момента своего рождения, поэтому начал совершенствоваться раньше, что принесло ему двойной результат.

В прошлой жизни его уровень был ниже, чем у Мэн Цинчэня, а в этой жизни он превзошел его. Однако он не ожидал, что в итоге они выберут Дао вместе.

Он считал, что возродился, чтобы изменить финал, поэтому выбрал Дао Уничтожения Небес!

С другой стороны, бедствие Мэн Цинчэня еще не закончилось. На этот раз он стал главным героем. Перед ним появился человек, которого он не хотел видеть, — его мать, Лю Линьцин, которая бросила его при рождении.

Он помнил все с детства, знал, что она холодно отвергла его. Годы скитаний, жизнь полная страданий. Только благодаря выдающемуся таланту он в итоге попал в Фаньмэн и стал учеником Дао-лорда Цинхуна.

В противоположной картине Ли Фаньинь, «сын» Ли Аньсюаня, с рождения был в центре внимания, его все восхваляли. Благодаря выдающемуся таланту и сильному отцу он жил прекрасно, почти каждый день был счастлив, вызывая зависть. Он без усилий стал его младшим братом по учению, учеником Дао-лорда Цинхуна.

<http://bllate.org/book/16649/1525416>